

Б п 186

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ
имени Н. К. КРУПСКОЙ

ТРУДЫ

РАЗВИТИЕ
БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ
В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

ЛЕНИНГРАД
1978

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Е. Я. Зазерский (ответ. редактор), *Н. И. Сергеева* (зам. ответ.
редактора), *И. Е. Баренбаум*, *А. Н. Ванеев*, *Г. М. Михайлова*,
Г. М. Шарпило (ответ. секретарь)

Научные редакторы 41-го тома трудов
кандидат историч. наук *Е. Я. ЗАЗЕРСКИЙ*,
кандидат педагог. наук *Л. М. РАВИЧ*

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Я. Зазерский. Ленинградский государственный институт культуры имени Н. К. Крупской	3
Л. М. Равич. О некоторых вопросах истории советской библиографии	17
Г. М. Михайлова. Историко-революционная тематика в библиографии в первое десятилетие Советской власти (1917—1927)	27
А. А. Туровская. У истоков советской библиографии искусствоведения	39
Е. Н. Буринская. Пути развития советской краеведческой библиографии (1917—1928)	52
И. А. Вовченко. Становление советской теории и методики библиографии на Украине в 20-х годах	68
И. Ф. Мартынов. Вопросы библиографической теории и практики в деятельности Института книги, документа и письма Академии наук СССР (1930—1935)	84
М. А. Шапарнёва. Роль журнала «Книга и пролетарская революция» в развитии советской теории библиографии	94
Н. Ф. Королевич. Из истории рекомендательной библиографии на Украине (30-е годы)	109
Т. Д. Крылова. Е. И. Шамурин и проблемы текущей государственной библиографии	120
Е. П. Погорелая. Детали литературной библиографии.	135
С. Д. Балухатый	

РАЗВИТИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Труды ЛГИК имени Н. К. Крупской

Редактор Л. А. Итигина
Техн. редактор В. Г. Галанова
Корректор И. Александрова

Сдано в набор 10.08.78. Подписано к печати 9.01.1979. М-09920. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Объем 9,5 печ. л.
Тираж 500. Заказ 2143. Цена 1 руб. 30 коп.
ЛГИК им. Н. К. Крупской. 192041. Ленинград, Дворцовая наб., д. 2/4.

Типография № 2 Ленуприздата. 192104. Ленинград, Литейный пр., 55.

Л. М. РАВИЧ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ БИБЛИОГРАФИИ

Создание истории советской библиографии является одной из самых актуальных проблем нашей науки. Еще в конце 50-х гг., после выхода в свет первого издания учебника для вузов «Общая библиография», было высказано пожелание скорейшего создания полноценной истории библиографии советского периода. Действительно, те несколько страниц, которые были посвящены в учебнике этому вопросу, ни в коей мере не могли удовлетворить ни преподающих этот предмет, ни учащихся и, кроме того, не соответствовали по своему качеству общему уровню учебника. Бедность этого раздела настолько бросалась в глаза, что в дискуссии, развернувшейся после выхода в свет учебника, вопрос о создании истории советской библиографии был назван в числе самых первоочередных.

В 1961 г. М. А. Брискман, вернувшись к этой теме, отметил сложности, подстерегающие исследователя этого этапа развития библиографии, и высказал мнение, что «видимо, в ближайшие годы возможны лишь предварительные работы, освещающие отдельные стороны истории советской библиографии».¹ К сожалению, он оказался в какой-то мере прав: действительно, за шестнадцать лет, прошедших после опубликования его статьи, обобщающего труда по истории советской библиографии создано не было. Однако целый ряд появившихся за эти годы работ (несмотря на узость тематики некоторых из них) нельзя все-таки рассматривать лишь как предварительные. Среди них — около десятка диссертаций, несколько интересных подытоживающих статей по истории отраслевых библиографий советского времени, главы, посвященные развитию отечественной библиографии послеоктябрьского периода в новом учебнике по общему курсу библиографии и мн. др. Вся эта масса накопленного материала уже может быть обобщена, хотя, к сожалению, подобного рода работы с трудом сводимы воедино как из-за несхожести объектов изучения, так и из-за различия принципов и критериев оценок явлений прошлого.

В 1973 г. М. В. Машкова, выступила на страницах «Советской библиографии» с интересной и в высшей степени содержательной статьей, подводившей итоги изучения истории библиографии в нашей стране. Правда, здесь речь идет как о дореволюционной, так и о советской истории и вопросы последней не выделены особо, однако о них говорится достаточно обстоятельно. Дав обзор основных исторических работ (что само по себе является вкладом в изучение проблемы), М. В. Машкова делает вывод: «К сожалению, изучение истории дореволюционной и советской библиографии — до сих пор никем не управляемый, не планируемый, стихийно протекающий процесс».² С этим нельзя не согласиться. Более того, пренебрежительное отношение к исторической тематике, наблюдавшееся многие годы во многих научных коллективах, теперь мстит за себя. Кадров историков библиографии в Советском Союзе так мало, что их буквально можно пересчитать по пальцам. Поэтому у нас и нет до сих пор полноценной истории советской библиографии.

М. В. Машкова в своей статье выступает и с конструктивными предложениями: она считает нужным создание «научного центра, который обеспечил бы необходимую планомерность и последовательность работы в масштабе всего Советского Союза, объединил бы разрозненные усилия отдельных исследователей, занялся бы учетом, выявлением, собиранием и публикацией архивных материалов (...). Нет сомнения в том, что постепенное, хотя и медленное накопление разнообразных историко-библиографических исследований, заметное повышение их теоретического уровня должны в конечном счете привести к созданию надежного фундамента для построения научной истории многонациональной советской библиографии».³ Подобная программа, естественно, не может не вызвать глубокого сочувствия у любого, занимающегося историей отечественной библиографии. Вместе с тем нельзя не заметить одной особенности этого проекта: он грозит отодвинуть создание истории советской библиографии на долгие годы, если не на десятилетия.

Вспомним, как создавались крупные труды по истории отечественной библиографии. Возьмем пример, достаточно яркий и красноречивый: творчество Н. В. Здобнова. История русской дореволюционной библиографии создавалась им в условиях почти полного отсутствия исследовательских работ по конкретным темам, на которые он мог бы опереться. Не была разработана и методика исторических исследований в области книговедения вообще. Что же касается архивных документов, в особенности эпистолярного наследия отечественных библиографов, то почти все они тогда оставались неопубликованными, сам же Н. В. Здобнов, естественно, мог ознакомиться лишь с частью из них — и без того его труд превосходил возможности одного человека. Несмотря на это, им была создана книга, став-

шая уже классической. Появление этой монографии отнюдь не «закрыло» проблему изучения истории дореволюционной русской библиографии. Напротив, именно отталкиваясь от книги Здобнова, — то полемизируя с ним, то развивая высказанные им положения, и появилось подавляющее большинство историко-библиографических исследований последних 15—20 лет. Таким образом, выдающийся историко-библиографический труд явился не столько даже итогом, сколько стимулирующим моментом в развитии истории библиографии как науки — случай, конечно, не типичный, однако же и не уникальный.

Сегодня, очевидно, история советской библиографии будет создаваться усилиями целого коллектива исследователей, каждый из которых займется одной какой-то проблемой, не дожидаясь, по-видимому, публикации всех архивных документов (да и где тот печатный орган, который принял бы на свои страницы подобные материалы? Публикации архивных документов в «Советской библиографии» и сборниках «Книга» встречаются крайне редко).

Есть, очевидно, несколько путей и способов создания истории советской библиографии: первый, предложенный М. В. Машковой и рассчитанный на неопределенно долгий срок; второй, состоящий из более или менее планомерной публикации отдельных тематических или персональных исследований (попыткой такого рода является и настоящий сборник) и третий — обобщающий те материалы, которые накоплены к настоящему времени. Естественно, что третий путь не только не исключает двух первых, но, думается, будет их стимулировать. При такой попытке обобщения накопившегося материала невольно выявятся и «белые пятна» и наибольшие трудности — и откроется простор именно для планируемой, а не стихийной научной работы по истории советского периода.

* * *

Большим завоеванием советской библиографической науки явился социально-генетический подход к историко-библиографическим явлениям. Проявившись наиболее ярко в «Истории русской библиографии» Н. В. Здобнова, он был намечен уже и в более ранних работах того же автора и некоторых других исследователей 30-х гг. Этим методом, анализирующим происхождение явлений библиографии в их связи с социально-политическими и культурно-историческими событиями той или иной эпохи, мы пользуемся теперь более или менее успешно. Советская историко-библиографическая наука объяснила происхождение и движущие силы развития множества явлений библиографии прошлых лет. Изучены и связи библиографии с другими явлениями культуры, науки, идеологии. Вместе с тем еще не вполне благополучно обстоит дело с оценкой конкретных

библиографических явлений и даже деятельности в целом многих отечественных библиографов. Особенно сложным представляется вопрос о различии критериев при оценке явлений общей и отраслевых библиографий.

Мы уже имели случай высказаться в печати по поводу необходимости историко-функционального подхода к явлениям библиографии, такого подхода, при котором анализировалась бы судьба указателя после выхода его в свет, определялось бы место крупных библиографий и их роль в развитии науки и культуры.⁴ По отношению к дореволюционной русской библиографии этот метод может быть применен лишь в ограниченном числе случаев: для этого порою просто нехватает материала. Теперь же, когда речь идет о советской библиографии, настала пора поставить этот вопрос на очередь дня. Действительно, каковы критерии оценок для конкретных библиографических указателей? Когда речь идет об общей библиографии, будь то текущая или ретроспективная, мы говорим о полноте указателя (или о принципах отбора, примененного в нем), о стройности композиции, о системе вспомогательных указателей, об аннотациях и других видах библиографической характеристики, т. е. о тех, внутренне присущих библиографии свойствах и качествах, оценить которые мы в состоянии библиографическими же методами. Разумеется, было бы чрезвычайно интересно и поучительно выявить и влияние общих библиографий, скажем, на состояние печати и издательского дела в тот или иной период, определить круг ее «потребителей» и воздействие на них этих библиографических пособий, т. е. определить их историческое функционирование. Однако, как нам представляется, сама природа общей библиографии, которая, как правило, не имеет четкого читательского адреса, но обслуживает общество и государство в целом, не позволяет (да и не требует) провести такое исследование. Возможно, что в крайне ограниченном числе случаев мы можем кое-что сделать и в этом направлении, но это мало что прибавит к нашим знаниям об общих библиографиях прошлого. К этим библиографиям более приложим социально-генетический подход, давно и прочно взятый на вооружение советской историко-библиографической науки.

Куда сложнее обстоит дело с библиографиями отраслевыми (т. е. с подавляющей частью библиографической продукции). Здесь таких оценок недостаточно. Та двойственная природа библиографии, которая отмечена ее теоретиками, касается более и прежде всего именно библиографий отраслевых. Являясь частью библиографии как научного и общественного явления, они в то же время являются частью тех наук, литературу которых включают в себя. Совершенно очевидно, что изучать их происхождение и развитие и тем более оценивать их качество, действительность невозможно только средствами и методами библиографического анализа. Нам представляется, что назрела

насущная необходимость (и не только для исторических исследований) определить различия в подходе к общей и отраслевым библиографиям. Здесь и методы анализа, и критерии оценок не одинаковы. Забывая об этом, мы рискуем потерять объективный критерий вообще. Если для общей библиографии (даже для самых выдающихся ее явлений) очень трудно определить «коэффициент полезного действия», то для отраслевых это можно и необходимо сделать. Думается даже, что именно это является определяющим мерилom для оценки трудов по отраслевой библиографии. Действительно, если мы говорим об отраслевых библиографиях как о вспомогательных научных дисциплинах, то прежде всего надо бы выяснить, чем и как именно они помогают каждой данной науке, какое место занимают в ее развитии, какое влияние на нее оказывают.

В нашей теоретической литературе писалось немало о подытоживающих функциях библиографии, но почти ничего — о ее руководящих функциях, стимулирующем воздействии. Между тем отраслевая библиография играет не только роль служанки науки; в своих лучших образцах она бывает и движущей силой. Такие примеры, к сожалению, не часты, но тем более нельзя оставлять их без внимания. Анализ их может дать многое для выработки оптимальных критериев оценки, вообще для тех требований, которые мы — пусть в идеале — можем уже предъявлять к отраслевым библиографиям. И вот тут-то и вступает в действие историко-функциональный подход к явлениям библиографии. Какова судьба указателя после выхода его в свет? Насколько он удовлетворяет специалистов той или иной области знания? Каково его стимулирующее воздействие на развитие соответствующей литературы? В особенности это относится к крупным ретроспективным отраслевым библиографиям, которые сами по себе являются событиями научной жизни.

Кстати, отсутствие историко-функционального анализа является самым заметным дефектом нашей историко-библиографической «классики». Поэтому, как нам представляется, главы, посвященные отраслевым библиографиям — самые бледные как в монографии Н. В. Здобнова, так и в книге М. В. Машковой. Совершенно очевидно, что беглых, чисто назывательных перечней достижений науки в тот или иной период, как «фона» для отраслевых библиографий недостаточно. Их следует анализировать в тесной связи с историей обслуживаемых ими наук.

В последнее десятилетие наша литература обогатилась целым рядом интересных работ по истории отраслевых библиографий советского периода.⁵ Однако, в силу того, что до сих пор не выработаны критерии оценок и методы самого подхода и анализа отраслевых источников, эти работы почти несводимы воедино. Такое положение будет и впредь мешать развитию ис-

торико-библиографической науки, если «отраслевики» не договорятся, наконец, как надо исследовать эти явления.

Вопросы методологии и методики исследования на данном этапе развития истории библиографии как науки являются, без сомнения, важнейшими и остро актуальными. История библиографии как наука уже в состоянии (и, более того, обязана), сформулировать какие-то общие закономерности развития библиографии как научно-вспомогательной и общественной дисциплины. Особенно это касается опять-таки отраслевых библиографий — и потому, что с общей и без того дело обстоит более или менее благополучно, и потому, что именно на отраслевом уровне возможны наиболее интересные обобщения и выводы.

* * *

Перед современным историком библиографии встает и такой, как будто бы неожиданный вопрос: что является объектом его исследования? Казалось бы, дело ясное: библиографические труды. Но это не совсем так. По стародавней традиции историко-библиографические работы, кроме собственно библиографии, занимаются еще и анализом статистики печати, критико-библиографических отделов журналов, биографических справочников, торговых и библиотечных каталогов, описания рукописей и т. п. Причем, круг этих явлений у разных исследователей различен (сравним хотя бы исторические труды Здобнова и Машковой). Кроме этих более или менее спорных объектов, история библиографии занимается прежде всего и несомненно библиографическими: это (не считая библиографических указателей) — деятельность библиографических учреждений и обществ, а также крупных библиотек, теоретические и методические труды по библиографии, учебники и учебные пособия и проблемы библиографического образования в целом, библиографическая периодика и, наконец, люди — деятели отечественной библиографии.

Деятельность библиографических учреждений и обществ, а также вклад библиотек СССР в развитие библиографии, освещались в нашей печати. Причем, среди работ на эту тему есть и чрезвычайно серьезные. В особенности это касается деятельности Всесоюзной книжной палаты и крупнейших библиотек нашей страны.⁶ Конечно, еще многое нужно сделать в этом направлении, но фундамент уже заложен, а это главное.

Гораздо сложнее обстоит дело с изучением исторического пути, пройденного теорией и методикой советской библиографии. Хотя и здесь можно назвать несколько интересных работ,⁷ но разноречивой в оценках столь велик, критерии их настолько шатки, что почти все эти работы носят дискуссионный характер.

Одним из важнейших жанров историко-библиографической литературы является персоналия. Создание полноценных жиз-

неописаний выдающихся деятелей нашей науки имеет большое значение как для истории, так и для развития теории и методологии библиографии. В биографическом исследовании история и теория выступают в нерасторжимом единстве, без разграничения зон и без «ведомственных» границ.

Современное науковедение придает особое значение такого рода исследованиям. Весной 1972 года в Москве состоялся симпозиум по проблемам биографии творческой личности, который был организован Институтом истории естествознания и техники АН СССР и Комиссией комплексного изучения художественного творчества Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История мировой культуры». Там был заслушан ряд интереснейших докладов, которые затем были оформлены в виде сборника статей.⁸ Поднимая целый ряд проблем, связанных с биографическим жанром, авторы этого сборника единодушны в признании его решающего значения для создания истории науки. История библиографии в этом отношении не является исключением. Более того, думается, что как раз биографические исследования могут оказать сильное воздействие на разработку основных проблем в этой области. Прежде всего, жизнеописание имеет значение для выработки самой методологии библиографии как науки. Ведь анализируя творчество выдающихся деятелей нашей науки, мы имеем дело не только с самой библиографией, но и научной деятельностью в области библиографии, т. е. анализируем не только труды, но и методы данного исследователя. Методология библиографических исследований есть, в конечном счете, учение о способах анализа явлений библиографической мысли, о способах построения ее теории и истории. Методология имеет дело с принципами научного исследования библиографии. Ее объектом являются не библиографические указатели, а законы движения теоретико-библиографической мысли. Все это может получить конкретное воплощение при анализе деятельности крупнейших представителей отечественной библиографической науки. Советские философы в последние годы не раз высказывались на тему о том, что методология должна дать обобщенные характеристики научно-познавательной деятельности, что сферой ее анализа служит творчество ученого. Естественно, что последнее определяется логикой самой науки. Исследователь творит в конкретную эпоху, он связан с общим состоянием данной области знания в данный период, он окружен определенным микросоциумом — коллегами, учениками, противниками, наконец. Весь этот богатый материал, выходящий за рамки собственно биографии, также входит неотъемлемой частью в жизнеописание ученого. Вот почему так важны книги биографического жанра для создания истории и методологии науки. Анализируя творчество того или иного деятеля науки, автор биографического исследования не просто описывает, но и «непрерывно оце-

нивает, т. е. выступает как эксперт и даже судья».⁹ С этим важнейшим условием научно-биографического исследования у нас обстоит, к сожалению, не так хорошо, как хотелось бы. Один из самых главных дефектов многих работ заключается в том, что исторически обусловленная ограниченность деятелей библиографии прошлого часто трактуется как их субъективная ограниченность. Вместе с тем у нас порою встречается и обратное явление — приглаголивание творческого пути библиографа, идеализация его взглядов и трудов, игнорирование всего того, что науковедение именует «драмой идей». И тот и другой подход обедняет и искажает историю советской библиографии. Ныне мы, прежде всего, обязаны уважительно и объективно оценить вклад в науку тех, кто трудился над ее созданием на заре советской библиографии, трудился в сложных условиях становления науки и борьбы идей.

Последнее десятилетие было для советской библиографической науки временем больших человеческих потерь. Ушли из жизни выдающиеся работники: Б. С. Боднарский, М. А. Брискман, Л. В. Зильберминц, И. М. Кауфман, Ю. И. Масанов, Ю. А. Меженко, И. А. Мохов, В. А. Николаев, Е. И. Рыскин, К. Р. Симон, А. Д. Эйхенгольц. Почти ни о ком из них нет даже обстоятельной статьи (не говоря уже о монографии), в которой был бы дан детальный анализ творчества этих наших современников и учителей. Правда, в серии «Деятели книги» вышло несколько более или менее солидных работ, посвященных советским библиографам: И. Ф. Масанову, Л. Н. Троповскому, А. Г. Фомину, В. С. Боднарскому, Н. В. Здобному, Е. И. Шамурину, а также библиографам, деятельность которых лишь отчасти проходила в советское время: К. Н. Дерунову, С. А. Венгерову, А. В. Мезьер. Богатый материал для истории советской библиографии содержат книги Ю. В. Григорьева об А. А. Покровском и Л. Б. Хавкиной. Книги этой серии весьма неравноценны. Среди них встречаются результаты диссертационных исследований (например, книга И. К. Кирпичевой о К. Н. Дерунове), и серьезные, обстоятельные работы, написанные специально для серии (это, прежде всего, книга М. В. Машковой о Н. В. Здобнове), есть беглые очерки жизни и деятельности без попыток глубокого анализа, есть сборники статей (Ю. И. Масанов, Б. С. Боднарский), которые уже в силу своей специфики дают лишь фрагментарное представление о деятельности ученого. Есть книги, снабженные прекрасной библиографией (прежде всего, работы М. В. Машковой), есть и вовсе обходящиеся без таковой (что в данном случае особенно недопустимо). Короче говоря, ни общие требования, ни способ подачи материала здесь не унифицированы. В нашей печати уже отмечалось, что серия издается без плана, нерегулярно, грешит неоправданными пробелами.¹⁰ Но главный ее недостаток не в этом: хуже то, что и имеющиеся книги этой серии, за ред-

чайшими исключениями, не содержат анализа методов работы того или иного исследователя, а ведь среди них были и теоретики и историки библиографии, и нам сегодня важно не только познакомиться с результатами их трудов, но и заглянуть в их творческую лабораторию. Как раз по отношению к нашим современникам это можно сделать: имеются личные архивы (как правило, не опубликованные), материалы выступлений, дискуссий и т. п.

Существенной частью истории советской библиографии является история библиографии в союзных и автономных республиках СССР. Не дожидаясь появления обобщающих трудов, наши коллеги из республик начали самостоятельную работу по изучению исторического пути, пройденного библиографией на местах. Защищено уже несколько диссертаций, посвященных истории национальных библиографий. Подготовлено к защите еще ряд исследований. Товарищи из Украины завершают работу над коллективной монографией по истории украинской советской библиографии.¹¹ Эти работы, несомненно, окажут существенную помощь при построении цельной истории советской библиографии. Материала накопилось уже много; теперь очередь за обобщениями. Будущая история советской библиографии представляется нам в виде коллективной монографии, отдельные части которой будут написаны специалистами по тому или иному вопросу.

Настоящий сборник составлен из статей самой различной тематики, отражающей научные интересы ряда исследователей. Он является как бы первой ступенью к монографии, о которой шла речь выше. Здесь собраны работы как по общей, так и по отраслевым библиографиям, написанные, преимущественно, работниками различных институтов культуры: Ленинградского, Киевского, Харьковского, Куйбышевского. Эти статьи, в силу различия объектов изучения и хронологических границ избранной тематики, не могут дать цельной картины развития советской библиографии или отдельного ее этапа, однако сам жанр сборника научных статей дает исследователю возможность разобрать данный вопрос с гораздо большей обстоятельностью, чем на страницах коллективной монографии. Мы полагаем, что этот сборник внесет посильную лепту в изучение и построение истории советской библиографии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Брискман М. А. Советская теория библиографии в 20—30 годы. «Труды Ленингр. гос. ин-та культуры им. Н. К. Крупской», 1961, т. 9, с. 37.

² Машкова М. В. Изучение истории дореволюционной и советской библиографии в Советском Союзе. «Сов. библиография», 1973, № 3, с. 22.

³ Там же, с. 22—23.

⁴ См.: Равич Л. М. История библиографии как учебная дисциплина.— «Сов. библиография», 1972, № 6, с. 15.

⁵ См. напр.: Гастфер М. П. Техническая библиография за 50 лет Советской власти. «Уч. зап. Моск. гос. ин-та культуры», 1967, вып. 16, с. 237—273; Левин Л. А. Библиография произведений В. И. Ленина в СССР. Там же, 1961, вып. 8, с. 25—48; Садофьев А. Ф. 50 лет советской сельскохозяйственной библиографии. Там же, 1967, вып. 16, с. 307—325; Моргенштерн И. Г. Развитие советской тематической библиографии художественной литературы. «Труды Ленингр. гос. ин-т культуры имени Н. К. Крупской», 1961, т. 9, с. 33—59; Луппов С. П. Советская библиография литературы по естественным наукам за пятьдесят лет (1917—1967). «Сов. библиография», 1967, № 3, с. 74—90; Ефебовский И. В. Советской военной библиографии — 50 лет. Там же, с. 3—25; Зиневич Н. А. 50 лет советской педагогической библиографии. Там же, 1968, № 2, с. 3—15; Теплов Д. Ю. Информационно-техническая библиография в СССР. Краткий исторический очерк. М.—Л., Изд-во АН СССР. 124 с. (Всесоюз. ин-т науч. и техн. информации). См. также ряд статей Л. М. Вадиковской, Ю. М. Лауфера, В. В. Гнучевой, М. П. Гастфера, Г. М. Марковской и З. Л. Фрадкиной в сборнике «Советская библиография» (М., 1960) и мн. др.

⁶ Количество литературы на эту тему столь велико, что может уже явиться объектом библиографирования. Среди этих работ — несколько диссертаций (А. Д. Эйхельгольца, А. Н. Веревкиной, Т. Г. Дунаевой и др.) работы к 50-летию государственной библиографии СССР и союзных республик. Есть также материалы об истории библиографической работы некоторых библиотек и т. п.

⁷ Самой значительной из них является работа: Брискман М. А. «Советская теория библиографии в 20—30 годы». («Труды Ленингр. гос. ин-та культуры им. Н. К. Крупской, 1961, т. 9, с. 97—125).

⁸ Человек науки. Под ред. М. Г. Ярошевского. М., «Наука», 1974, с. 392 (Науковедение: проблемы и исследования).

⁹ Там же, с. 183.

¹⁰ Общую характеристику серии см.: Григорьев Ю. В. Серийное издание «Деятели книги». — «Книга. Исследования и материалы». Сб. 6. М., Изд-во Всесоюз. кн. палаты, 1962, с. 37—51.

¹¹ См. в настоящем сборнике статьи И. А. Вовченко и Н. Ф. Королевич по истории украинской библиографии. Оба автора участвуют в упомянутой коллективной монографии.